

Раскаяние

Там ландыш прекрасный разбрызгивал яд
плодами дурными и, пряча свой взгляд,
оправдывался перед мёртвою птицей:
«Нам легче раскаяться, чем измениться».
И, это увидев, спустился на Землю
карающий ангел, и молвил: «Ты, внемли,
растение, зверь, сребролюбец, блудница,
что легче раскаяться, чем измениться!»

Он низко летел – златоглав, белокрыл.
Там лодки тонули, утопленник всплыл.
Он пел, осенив изумлённые лица:
«Вам легче раскаяться, чем измениться!»
Под ним – лоскуты опалённых полей.
Там люди кричали: «Дай чудо, полей!»
Он пел, не послав им даров и крупицу:
«Вам легче надеяться, чем измениться!»

Так тысяча лет люди жили да были...
Раскаялись многие – не изменились.

Характер, как будто пустая страница.
Нам легче раскаяться, чем измениться.

Река

И как бы мы ни ссорились в пути, –
гляди-ка, до реки всё ж добрали.
Надеюсь, то не Лета и не Стикс,
не вороны нас встретят, – журавли.

Ты видишь два течения времён?
Кто выпьет с наслаждением из горсти
меж ними воду – будет исцелён.
А мы не сможем, мы не во плоти.
Тому, что утекло, скажи «прости».
Попутный ветер, ласковый, как лён,
нам пожелает лёгкого пути.
Вослед помашет нам приречный клён
и прах наш Гангом будет унесён.

Мурманск

Между тем, пока людской поток
погрузился в сирую тоску,
на «бараньих лбах», что на плато,
северяне трескают треску.
Мне бывало скользко на «югах»
и прохладно в солнечных лучах.
А сейчас, как будто на руках,
Кольский полуостров укачал.

Архаичный мурманский пейзаж
мне милее множества картин.
Словно врач – таёжный вернисаж
поставляет в кровь серотонин.

Мурмурчание летних дней не ждут –
сами генераторы тепла.

А в моём заснеженном саду
незабудка снова зацвела.

Зачем мне так остро? Скажи, полуостров,
хоть слово – ведь слово так много уже.
Понятные речи расцвечены пёстро,
а ты лишь касаешься мягким туше
ступней горечавкой и, выдав мне справку
листочком слетевшим берёзовым – ждёшь,
когда я созрею, рассудком иссякнув,
пойму иероглифы тундры – чёртёж
на зелени листьев, сложив воедино
и клею, и клевер, морошку и хвощ.
Я верю, что вереск накроет суглинок
моих перекопанных опытом роц.
Я верю, что дремлик не дремлет, что пижма
во мне, как в тебе, плавит горечь лучом.
Иду, не настывшись истиной книжной,
по мхам Заполярья, подставив плечо
туманам и звёздам. Рецепты простые
на справках лесных, без пустой болтовни:
«Смотри, будто видишь всё это впервые
и в сторону солнца лицо поверни».

Разгребаю листья и сгребаю
их обратно – чем ещё заняться,
если вечность впереди и края
вовсе нет, хоть все его боятся.
Разбегаюсь, прыгаю, бросаюсь –
нет не в листья, в жгучие ладони
океана, потому что знаю:
полая калюка не утонет.

Всё, что накопилось ядовитым
комом, сгустком, словом и укусом,
смылось океаном Ледовитым –
и русалка снова стала русой.
Попросить, быть может, русских духов
расстелить мне скатерть-самобранку?
Голод тела – мелочь, голод духа
Мурманск утолил, лицом изнанку
заменяв, сумев неразбериху
мыслей упорядочить Потоком.
Он напомнил родину и тихий
Тихий океан моих истоков.

Пасха

Вечереет, и вновь слюдяные окошечки глаз
завершают обзор персонажей, подтекстов и жестов.
Мне казалось – не вымесить тесто,
а оно – «пошло» в нужный час.
Мне казалось – не вынести мимику этой зимы,
затянувшихся мхатовских пауз ковидные сводки.
Мне казалось, что трещина в лодке,
неподъёмный январь у кормы.
Оказалось, что важно лишь просто дышать.
Лишь дышать глубоко, возвращаясь к своей точке сборки.
Хоть, конечно, ещё очень горько,
но уже тишина не спеша
заползает в карман «послезавтра» лучами весны.
Отзвучали «Щелкунчики», ангел пронёс меж церквами
Благодатную весть, и пора угощать пирогами
тех, кому мы, как прежде,
как прежде нужны.

Наше слово

Нет неназванных вещей. Вот кефир, тарелка щей,
кресло с деревянной гнутой спинкой.

Нет неназванных людей: это Вольфганг Амадей,
например, звучит сейчас с пластинки.

Между точек полюсов до конечных адресов
письма улетают ежечасно:

имя улицы, моста, – все тут названы места.

Впрочем, это целесообразно.

Перечень эмоций, чувств, каталог людей, искусств...

Мне бы в этих бирках бестолковых
разглядеть всего одно слово нужное – оно
станет нашим, подлинное слово.

Выбираю шорох трав, звуки-капли из октав.

Это слишком много слов, конечно.

Добавляю в свой букет бледно-бирюзовый цвет.

А, нашла! Вот это слово. Нежность.